

Николай Петрович Вагнер

Дядя Бодряй

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0007
III.....	.0010
IV.....	.0013
V.....	.0016
VI.....	.0019
VII.....	.0022
VIII.....	.0025

Н. П. Вагнер
дядя БОДРЯЙ

Родились они, оба брата, и жили в одном из медвежьих углов — в глухой деревушке Пустышке. Старшего звали Зеноном, младшего — Паисием; только никто его так не звал, а звали просто дядя Бодряй.

Дядя Бодряй любил брата своего Зенона и всех людей, весь Божий мир; а Зенон никого не любил, — разумеется, кроме себя.

Когда умирал их отец, Степан, то он долго думал: кому оставить наследство? Сын Паисий сильно смущал его. «Вертопрашный мот! — думал он. — Ничего он не сбережёт, не приумножит, а всё по ветру стравит — ни себе, ни людям».

Думал, думал отец Степан и, наконец, решил: «Оставлю я сыну Зенону всю землю, и лошадушек моих (а их был целый косяк), и коровушек, и овечек, и всякий скот, и всю худобу мою; а непутящему Паисию оставлю я сто рублей — и того ему много».

Как решил, так и сделал. Оставил в завещании Зенону всё имение своё, а дяде Бодряю только сто рублей, — новеньких, всё рублёви-

ками серебряными.

И когда получил это наследство дядя Бодряй, то сел на лавку и задумался: «Что я с ними сделаю, с этим наследством? Раздам я его беднякам, как я, многогрешным. Хорошо!.. Да ведь не хватит на всех. Вот тут, возле нас, в Пустобрюхове, да в Голодаеве, да в Плохосытове, больше ста побирух... мужиков и старух... Раздай сто рублей. Меньше рубля на рыло придётся... Да какая же тягота!.. Тут, чай, фунтов 20 али боле будет... И куда я с ними поеду?!. Без них, без этих рублей, я — вольный казак и весь Божий мир мне путь и дорога... А с ними?!.» Но тут в его раздумье вмешалась Алёнка — жена брата Зенона.

— А ты отдай мне, братец, — заговорила она. — На что тебе? А мне они пригодятся... Вот к зиме шубейку Мишутке справлю, да Варюшке одеяльце сооружу...

И протянул дядя Бодряй кожаный мешочек со ста рублями невестке своей Алёнке.

— На!.. — сказал он. — Господь нас так учил: просящему дай и от занимающего не убегай!

— Ну, вот и отлично! Дай тебе Господи доб-

рого здоровья! Спаси Господи твою душеньку!

И она, вся радостная, отправилась к себе и положила в свой большой сундучище мешочек со ста рублями, а дядя Бодрый вздохнул глубоко, встал с лавки, потянулся и сказал в веселии сердца:

— Слава Тебе, Господи! избавил от тяготы жизненной.

И вышел из избы, а сам думает: «А если б всё, что оставил отец брату Зенону, да разменять на рублёвики, — у-у-у! какая бы тягота была... не вздымешь и не уволочёшь!!.»

Дядя Бодрый был бездомник, вдовец. Он каждый день и всю жизнь шлялся по чужим избам, и везде были ему рады.

— А?! — говорят. — Дядя Бодрый пожаловал. Милости просим, милости просим!

И дядя Бодрый, помолившись перед образом, с весёлым радостным лицом, здоровый и румяный, всех ласково привечал, со всеми целовался, здоровался. Малых детей обдарить — кому грошовый пряник, кому деревянного коня.

И все ему рады, в особенности детвора. Дядя Бодрый ей слаще мёду кажется. Как только он придёт, так сейчас же все облепят его и начнут просить, канючить:

— Дядюшка Бодрый, расскажи сказочку!..

— Дядюшка Бодрый, расскажи побасеночку!

— Дядюшка Бодрый, расскажи что-нибудь божественно.

И в особенности им нравится это — божественно... Только дядя Бодрый не всегда расскажет. Иной раз придёт из дальней деревни,

Глушанки; вёрст двадцать отмахет и притомится, еле отдышится.

— Не почтовый я конь, — говорит, — и одна пара у меня ходилок-то. Двадцать вёрст отмахают — и приустанут, притомятся.

А в другой раз придёт бодрый, да свежий и начнёт сказы рассказывать. Вокруг него прицепятся, присядут ребятишки со всей деревни: одни влезут на колени, другие обнимут его за шею. И начнёт дядя Бодрый рассказывать.

А за маленькими малышами, глядишь, бегут слушать дядю Бодря и уже взрослые ребята; а за ними, гляди, плетутся, пробираются уже совсем взрослые мужички. Ведь всем занятно послушать краснобая — дядю Бодря.

— Вот, — говорит, — не в котором царстве, не в котором государстве, жил-был один старче. И задумал старче спастись... И просит, и молит он своего ангела-хранителя. Ангел, мол, хранитель мой! Скажи и укажи, что мне сделать, чтобы спасти душеньку и в царство небесное её водворить?

— А рубашка у тебя есть? — спрашивает его ангел.

— Есть, — говорит старче.

— Своя? — спрашивает ангел.

— Своя, своя, — говорит старче.

— Ну, сними её и отдай тому, у кого нет её...

«Как же я отдам, — думает старче, — ведь голому-то, чай, зазорно ходить?»

Сам это думает, а рубашку всё-таки снимает. Только, глядь-поглядь, не может он снять рубашки, к телу приросла... Уж он её так и этак... Всю спину в кровь изодрал, а рубашки не может отодрать... приросла! — у каждого человека всегда так: своя рубашка к телу приросла. И если её не отдерёшь, то и не спасёшься... Что ни делай — никак не спасёшься. Хоть сто поклонов каждый день клади, хоть к соловецким угодникам ходи или в скиты печерские. Ничего не поделаешь... Таков уж предел положен.

— Чудно дело! — говорит один из слушавших его мужичков. — Как же это так? Как же это угодники-то Божьи спасались?..

— Для Бога, милый человек, — говорит дядя Бодряй, — всё возможно. Для человека невозможно, а для Бога всё возможно.

И так проходила или, вернее говоря, тихо катилась вся жизнь дяди Бодряя.

Была у него жена, баба суровая и злющая. Были и детки — целых трое. Умерла жена, и детки за нею пошли, три дочки, одна за другою.

Как потерял он вторую дочку, самую красивую и тихую, Машу, то он загрустил и пропадавал из деревни целых три дня. Через три дня пришёл, ещё веселее и радостнее, чем был. И куда он исчезал, и куда он своё горе снёс — никто об этом не узнал и никто не спросил его.

— Миру нужны мои сказы да побасёнки, а не я сам, — говорил он. — А ты дай миру, милый ты человек, то, что ему нужно, или то, что он хочет!..

И опять покати́лась его жизнь тихо, да радостно. Плетёт он лапти себе, а больше другим, ребятишкам, плетёт и поёт, сидя на зава́линке у братниной избы. Люди мимо идут, каждый с ним поздороваётся так приветливо.

— Здравствуй, милый дядя Бодряй! Каково

живётся-можется?

И пройдут дальше.

— Здравствуй! Здравствуй! Милый человек, — скажет дядя Бодряй. — Живу, хлеба жую; Бога прославляю, всем добра желаю.

— Так! Так! — скажет прохожий. — Верно! Правильно! И пойдёт дальше. И всё ему кажется, что кто-то ласковое слово ему в душу заронил и по сердцу, любя, погладил.

— Дядя Бодряй! — говорит один мужичок. — Приходи к нам блины есть.

— Ладно! Милый человек, приду.

— Дядя Бодряй! — говорит другой мужичок. — У нас крестины. Мишутку крестим. Приходи, гостем будешь.

— Приду! Милый человек, спасибо на зове!

— Дядя Бодряй! — говорит третий мужичок. — Дочь Пашутку выдаю. Приходи пиво пить.

— Ладно, ладно, милый человек. Беспременно приду!

И ни одна свадьба, ни одни именины и крестины без Дяди Бодряя не бывают. Без него скучно и нерадостно, а он придёт, румяный да ласковый, и точно всех озарит. И начнутся

сказки да рассказы, один другого краше да занятнее. То расскажет он, как кум Матвей к отцу Матвею ходил, помочь в нужде просил и как, наконец, отец Матвей помог куму Матвею в беде и как эта помощь, от долгого ожидания, показалась куму Матвею вдвое слаще.

— Так-то, милый человек, — прибавил дядя Бодряй, — сказано: терпи, казак, — атаманом будешь! Так оно и есть. У Господа Бога сроки долги. Не по нашему плечу, а всё-таки надо терпеть, ибо всякому делу положен у Бога час и срок, и ничего не может произойти без этого положения. Вот, милый человек, чай, знаешь, как, примерно сказать, жисть в квашне скисает и поднимается, и растёт. Вот так-то оно и везде, милый человек!

IV

Год за годом проходит. Люди рождаются, живут и умирают. Молодые стареются. Один дядя Бодряй не меняется. Только волосы его стали как будто чуточку седеть, а такой же крепкий, румяный и такой же запас у него сказок и пересказов. Целый непочатый кошель.

Только в последнее время стал он их меньше рассказывать, а больше слушать, что другие рассказывают.

— Для того, милый человек, — говорит, — нам два уха и один рот дан: больше слушать и меньше говорить.

И начали люди замечать, что дядя Бодряй стал в последнее время чаще пропадать, а куда — неизвестно. Уйдёт он куда неведомо и пропадает и день, и два, и целую неделю. Вернётся дядя Бодряй ещё веселее и здоровее, чем был, и все ему, как родному, обрадуются. Все друг другу говорят:

— Дядя Бодряй пришёл! Дядя Бодряй пришёл!

И был в деревне Пустышке в те поры озорной и дурашный малый. И все его так и зва-

ли: озорник Прошка.

«Семь-ка, — думает Прошка, — дай-ка я узнаю, куда дядя Бодряй пропадают».

И стал он следить, выслеживать, куда дядю Бодряя нелёгкая носит.

Один раз, дело было летом, вечером, подкараулил он, как дядя Бодряй отправился из деревни.

Вышел он из деревни в Памаевские луга и пошёл прямо в Кузьминский лес, а лес тот тянулся в доброе старое время на многие добрые вёрсты, и мужички говорили, что в том лесу есть благодатные уголки, только добраться до них нелегко.

Идёт, идёт дядя Бодряй, идёт, калиновым подожком подпираючись, идёт за ним дурашный Прошка, а за ними ночь и гроза надвигаются.

И дурашному Прошке вдруг стало жутко. «Куда, мол, — думает, — я в эку страсть пойду?» А дядя Бодряй обернулся и говорит:

— Иди, иди, милый человек, не бойся! Коли не будешь бояться, то никакой страх тебя не возьмёт, а коли убоишься, то страх тут как тут, и накроет, и осенит, и осилит.

Прошка приободрился. «Я только, — думает, — до Семёнова ключика провожу его, а там и удеру. Пущай один идёт. Вишь, как гроза накатывает».

А в лесу тёмная ночь. Ни зги не видно.

И только что вошли они в Кузьминский лес, как вдруг: трах! — ударил гром и пошла кружить, вертеть буря, а дядя Бодряй говорит:

— Ничего! Ничего, милый человек... волос с головы твоей не падёт без воли Господа... Не бойся!

А Прошка совсем струсил и испугался. Сам идёт, дрожит; ноги еле переставляет и про себя скорёхонько твердит: «Свят! Свят! Свят! Господь Саваоф!..»

И кажется ему, что кругом его не деревья, а какие-то лешие стоят или идут вместе с ними. «Дядя Бодряй! Дядя Бодряй!» — хочет он сказать, да голосу не хватает, горло перехватило.

А дядя Бодряй знай себе идёт вперёд и говорит так ласково, да приветливо:

— Иди-иди, милый человек. Ничего не бойся!

Шли, шли они, и стал примечать Прошка, что буря начала затихать и какой-то свет засквозил между деревьев.

Чем дальше идут они, тем ярче становится этот свет. И не может Прошка разобрать, что это. Месяц ли сияет или солнышко проглянуло?

И пришли они, наконец, на место красоты неописанной. Все деревья и кусты сияют и благоухают. Цветы кругом такие яркие да нарядные, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Раскрыл рот Прошка, стоит и любуется, глядит — не налюбуется.

— Что, — говорит Прошка, — так бы всё и глядел. Никуда бы отсюда не ушёл.

— Вот, милый человек, — говорит дядя Бодряй, — коли не побоишься да потрудишься, то и до места доброго дойдёшь.

И спрашивает Прошка дядю Бодряя:

— Где же это такое хорошее место находится?

— Там, — говорит дядя Бодряй, — где всё хорошо и нет земной скверны. От деревни Пустышки это место отстоит на многие, многие тыщи вёрст. Кто зол, тот ни в жизнь до этого места не дойдёт, а кто добр да прост — так того сам Бог донесёт.

— Как же это так? — спрашивает Прошка. Но только что успел это выговорить, как глядь-поглядь... нет хорошего места... сгнуло и пропало.

И сам Прошка лежит на земле, в Памаевских лугах. И как он попал в эти луга? — не может он этого понять... Вздремнул, должно быть, а когда вздремнул — ничего не знает, и не помнит, и не понимает.

VI

И не мог Прошка помириться с тем, что он во сне только видел «хорошее место». Ходит он, бродит по Кузьминскому лесу и всё думает да гадает: «Во сне или наяву видел он «хорошее место». И всё ему чудятся слова дяди Бодряя: «Кто добр да прост, того сам Бог до этого места донесёт».

А как же это узнать: добр он или нет? И не просто добр, а добр и прост.

Один раз, дело было к вечеру, зашёл он далеко в Кузьминский лес и вдруг видит сквозь ветви: сидит дядя Бодряй на большом камне, а подле него на задних лапах сидит огромный медведь.

Струсил Прошка и к месту прирос. Стоит и глядит, рот разинув, а дядя Бодряй говорит ему:

— Ничего, милый человек, подойди, не бойся. Это мой старый приятель, Михаил Иваныч. Он не тронет. Подойди, милый человек.

Приободрился Прошка, подошёл. Смотрит, у ног дяди Бодряя лиса сидит, такая пушистая, огнистая, а тут же, в траве, возится махонь-

кий зайчик.

Чудно показалось Прошке. «Как это лиса не задавит зайчика и как медведь не тронет лисы?» А дядя Бодряй говорит:

— Они не грызутся. Мирно живут. Так-то, милый человек. Бог велел всем быть добрыми, а пуще всех людям заповедал: пребывать в благе и любви. Коли человек добр, ибо добро исходит от Бога и от него входит в душу человека, а от человека идёт во всякого зверя, и в травы, и в камни, по всему Божьему миру.

Ничего не сказал Прошка, а только посмотрел на Бодряя, а дядя Бодряй, такой румяный да ласковый, сидит, улыбается. И нагнулся он и подставил руки зайчику; а зайчик прямо прыг к нему на руки, и посадил его дядя Бодряй к себе на колени, а зайчик весь дрожит, трясётся.

— Вот, — говорит дядя Бодряй, — вишь робкая, заячья душа. Всего его лихоманка треплет. Ну! Небось, небось! Труска ты, добрая, да тихая. — И погладил его дядя Бодряй и подставил свою руку зайчику, а зайчик начал лизать эту руку. — Вот, — говорит дядя Бодряй, — попробуй, как у него сердце стучит.

Испугался косою: струсил, что твой Прошка.

И Прошка погладил легонько зайчика, а зайчик уши пригнул и покосился на него.

— Так-то, милый человек, — сказал дядя Бодряй. — Живи в благе, и благо будет исходить от тебя в Божий мир.

И, сказав это, дядя Бодряй встал и пошёл. И за ним следом пошёл медведь, переваливаясь из стороны в сторону, а за ним шмыгнула лиса и зайчик ускакал скорёхонько. Вытаращил глаза Прошка и долго смотрел в ту сторону, куда ушёл дядя Бодряй, а за ним вся его компания.

VII

И стал Прошка рассказывать всем, что он видел. И никто ему не верил, а все хохотали и потешались над ним.

— Это он у дяди Бодря сказкам выучился, — говорили мужички.

— А ты ври, дурень, да знай меру! Чего зря врёшь? — корил его Парамоныч, умный, разумный, старый старик. — Разве можно поверить, чтобы человек, да со зверем дружбу водил или чтобы лиса с зайцем рядом сидела, да не утерпела и его бы не съела. Это одни басни, да рассказы!..

И вот все смеялись, потешались над дурнем малоумным Прошкой и все думали:

— А вот! погоди! Дядя Бодря сам придёт. Мы его доподлинно допросим.

А дядя Бодря сгинул да пропал. Лето уже к осени подошло, а дяди Бодря нет как нет. И вдруг вместо дяди Бодря пришла гостья, непрошенная и негаданная, лихая немочь. И стал народ помирать. Повалились мужики и бабы, как мухи осенью; а пуще всего ребятки махонькие.

Приуныли все люди Божии. Стали креститься, молиться, грехи замаливать. Замолкли песни гудошные. Перестали люди пить зелено вино, так что и дорога к кабаку травой заросла. Все носы повесили. На всех смерть глядит.

И вот, как раз среди этого печального жития, объявился дядя Бодряй.

— Что, — говорит, — братцы, носы повесили. Аль Бога забыли, аль Он вас забыл?..

И все подбодрились, храбрости набрались.

— А вы, милые люди, человеки, — говорит дядя Бодряй, — руки не покладайте и носов не опускайте. Коли пришла беда — отворяй ворота!.. Милости просим!.. Надо и её весело принимать. Пожили не скучно и погрём весело!..

И начал дядя Бодряй всех подбодрять и утешать. С раннего утра до поздней ночи, а то и всю ночь напролёт ходит он, бегаёт, своим калиновым подошком подпирается и во всякую избу, куда злая немочь пришла, он добрым словом да весёлым сказом выгонит её...

— Пошла, мол! Тут дух бодр и нет тебе места и пристанища.

И не больше как пять, шесть дней прошло, как всё переменялось. Немочь стала ослабевать. Все приободрились. Всем стало приятно и весело. Молодые вставали с их постелей и выздоравливали. Пожилые принимались, перекрестясь, за работу. И только совсем старые старички да старушки помирали покойно, с твёрдой верой, что в «ином мире» им будет лучше. И ни один человек, ни одна Божья душа не подумала, не догадалась, что всю бодрость духа принёс им дядя Бодряй.

VIII

Прошла зима, пришла весна. Дорожку к кабаку расчистили, и всё пошло по-прежнему, по-привычному да по-давнишнему.

И дядя Бодряй опять стал пропадать по целым дням и однажды пропал надолго.

«Верно, опять ушёл в хорошее место, да там и застрял!» — думает Прошка.

Пришла и прошла весна, прошло лето, за ним осень и зима, прошёл целый год, а за ним другой, третий, прошли и десятки лет.

Нет дяди Бодряя.

Не стало Прошки. В самый рождественский сочельник Богу душу отдал.

Не стало и Кузьминского леса. Весь вырублен.

А дядя Бодряй всё нейдёт.

Пришло и прошло голодное время. Пришла опять злая немочь. Все опять носы повесили и некому их поднять. Нет дяди Бодряя.

Совсем опустился народ. Каждый год недород да недород. Все даже отощали, и всё глядят во все стороны: нет ли где дяди Бодряя. Благо, можно смотреть во все стороны. Везде

чисто да пусто, и кабак далеко виден. К нему ведёт широкая дорога, вся ёлками уставлена.

А дяди Бодряя всё нет!

Наконец один раз весной был ясный, погожий день, солнышко светит. Всюду тепло, хорошо. И вдруг неизвестно и неведомо откуда кричат: «нашли!»

— Нашли дядю Бодряя!

Весь народ кричит, голосит, и все бегом бегут на горку, которая прежде в Кузьминском лесу была, а теперь совсем голая стоит. Взошли на горку, а на горке чистая полянка, и лежит среди этой полянки дядя Бодряя, только не живой, а мёртвый. Вся голова его — седая, а лицо такое же, как было, только румянца нет. Белей оно воску белого; а на губах та же, что и прежде, весёлая улыбка играет. И лежит он как живой и точно... вот, вот!.. сейчас зашевелит он губами, раскроет рот и начнёт сказки да побасёнки рассказывать. А кругом его камни большущие лежат. И откуда и как они очутились тут, никто не знает.

И вот все собрались, весь народ. Все глядят на тело дяди Бодряя. Бабы то здесь, то там начинают голосить голосянку, реветь, причи-

Тать...

И слышит народ, что внизу горки какой-то переполох; кричат: «ведут! ведут!»

И точно «ведут на горку старика старого Парамоныча». Ему уже сотня лет с хвостиком.

Сгорбился он, съёжился, и ведут его под руки.

Привели деда Парамоныча. Остановился он перед телом дяди Бодря и говорит:

— Был добрый человек, жил добрый человек, и все мы были живы: бодры и добры. В нём жила сила духа... и все мы теперь поклонимся этой силе.

И дряхлый старик Парамоныч опустился на колени и поклонился до земли праху дяди Бодря, а за ним весь народ поклонился в землю. А за народом поклонились все травы, кусты и деревья, все птицы и звери и даже все бездушные камни припали к земле, и никто теперь ни у кого не спрашивал:

— Как это возможно!..

Ибо все знали и видели, что это возможно и что всё преклоняется перед силою духа...

Эх, кабы нам да дядю Бодря!..